

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 128–146.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 1. P. 128–146.

Научная статья

УДК 325.25-055.2(510)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-1/128-146>

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ

Евгения Юрьевна Каткова¹, Майя Георгиевна Новоселова²

^{1,2} Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
кафедра востоковедения и африканистики, Москва, Россия

¹katkova_eyu@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2855-3163>

²1maykanov@list.ru

Аннотация. Данная статья посвящена изучению феномена женской международной миграции из материкового Китая. Исследование данной проблематики затруднено фрагментарной и неполной статистикой по странам пребывания и отсутствием комплексных работ, касающихся женской эмиграции из Китая. Как правило, научные работы и исследования, связанные с участием китайских женщин в миграционных процессах, в основном сосредоточены на изучении внутренней миграции, а внешняя миграция представительниц материкового Китая остается мало исследованной областью знаний. С точки зрения методологии статья построена на концепции феминистической теории международных отношений (использованы труды Дж.Э. Тикнер, С.Х. Энло, В.С. Петерсон, Кристин Сильвестр), в частности на идеях дифференциального феминизма (авторы придерживаются позиции о том, что гендерная принадлежность во многом определяет характер переселения мигранта за рубеж, условия проживания в стране пребывания и сам опыт миграции).

При написании статьи были использованы такие методологические инструменты, как герменевтический метод, анализ и синтез данных, статистические данные проанализированы с применением квантификационного метода и метода сравнительного анализа. Особое внимание уделяется проблемам мигранток, а также статистике по участию китайских женщин в миграционных потоках, вопросам занятости женщин-мигрантов, их дискриминации и сегрегации в странах назначения, студенческой и брачной миграции. Отдельно рассматривается связанная с женской миграцией проблема торговли людьми.

Ключевые слова: гендер, женщины-мигранты, международная миграция, Китай, женщины, КНР, женская миграция, феминизация миграции, гендерная дискриминация, трудовая миграция.

Для цитирования: Каткова Е.Ю., Новоселова М.Г. Женское лицо китайской миграции // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 128–146.

Original article

THE FEMALE FACE OF CHINESE MIGRATION

Evgenia Y. Katkova¹, Maya G. Novoselova²

^{1,2}RUDN University, Moscow, Russia

¹katkova_eyu@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2855-3163>,

²maykanov@list.ru

Abstract. This article aims to study the phenomenon of women's international migration from mainland China. The study of this issue is complicated by fragmentary and incomplete statistics on host countries and the lack of comprehensive works devoted to female emigration from China. As a rule, scientific works and research related to the participation of Chinese women in migration processes are mainly focused on the process of internal migration, while external migration of representatives of mainland China remains a poorly researched area of knowledge. From a methodological point of view, the article is based on the concept of feminist theory of international relations (including the works of J.E. Tickner, S.H. Enloe, V.S. Peterson, Christine Sylvester), in particular, on the ideas of differential feminism (the author takes the position that gender largely determines the nature of a migrant's resettlement abroad, living conditions in the host country and the migration experience itself). When writing the article, the authors used methodological tools such as the hermeneutic method, data analysis and synthesis. Statistical data were analyzed using the quantification method and the comparative analysis method. Particular attention is paid to the problems of female migrants, as well as statistics on the participation of Chinese women in migration flows, employment issues of female migrants, their discrimination and segregation in destination countries, student and marriage migration. The problem of human trafficking related to female migration is discussed separately.

Keywords: gender, female migrants, international migration, China, women, PRC, women's migration, feminization of migration, gender discrimination, labor migration.

For citation: Katkova E.Y., Novoselova M.G. The female face of Chinese migration. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 1, pp. 128–146. (In Russ.).

Введение

Женщины всегда составляли значительную часть международных миграционных потоков, но в настоящее время наблюдается тенденция увеличения числа женщин-мигрантов. Женщины непосредственно вовлечены во внешнюю и внутреннюю миграцию. Перемещение женщин может быть добровольным или вынужденным, присутствие в принимающей стране – законным и незаконным.

Актуальность изучения гендерных аспектов миграционных процессов обусловлена тем, что на протяжении долгого времени не проводились самостоятельные исследования данного вопроса, а женская миграция рассматривалась исключительно в контексте женщин, сопровождающих супругов за границей.

Тем не менее анализ миграционных трендов с точки зрения гендера представляется необходимым из-за существенного различия положения мигрантов разного пола, рисков и проблем, с которыми они сталкиваются, и поведенческих паттернов, которых они придерживаются. Пол мигранта во многом определяет его жизнь в месте назначения [1]. Весь миграционный опыт женщины зависит от ее социальной роли, степени автономии, доступа к различным ресурсам, а также гендерной стратификации в странах происхождения и назначения.

Чрезвычайно важно также понимать причины, обуславливающие женскую миграцию, и связь между миграцией женщин и гендерным неравенством как в стране происхождения, так и в стране назначения. Социальное значение имеют вопросы о том, приводит ли к миграции неравноправное положение женщин в обществе, а также какое влияние оказывает переселение на жизнь женщины-мигранта – способствует ли миграция улучшению положения женщины или, напротив, закреплению гендерного неравенства в обществе.

Женская миграция в мире

В международных миграционных потоках наблюдается незначительный перекоп в сторону мужчин. В 2000 г. на 88 млн мужчин-мигрантов приходилось 86 млн женщин (50,6% и 49,4% соответственно). К 2020 г. при общем росте количества международных мигрантов гендерное соотношение практически не изменилось: 51,9% мужчин (146 млн) на 48% женщин (135 млн) [2, с. 27]. По состоянию на 2019 г. на 98,9 млн мужчин-мигрантов (58,5%) пришлось 70,1 млн женщин-мигранток (41,5%) [3].

Схожие гендерные пропорции наблюдаются в соотношении трудовых мигрантов разных полов. По состоянию на 2019 г., 58,5% трудовых мигрантов составляли мужчины (99 млн), а 41,5% – женщины (70 млн). Женщины-мигранты в меньшей степени, чем мужчины, представлены на рынках труда стран назначения (59,8% против 77,5%) [3].

При этом необходимо учитывать, что, несмотря на общие глобальные тренды, для миграционных процессов характерны значительные региональные различия.

В то время, как в азиатском регионе женщины-мигранты составляют около 41,8% (на 2020 г.), в Европе и Северной Америке доля женщин-мигрантов превысила долю мужчин-мигрантов (51,6% и 51,8 % соответственно). В XXI в. более быстрыми темпами идет рост количества мужчин, мигрирующих в азиатские страны: за период 2000–2020 гг. их число выросло на 89%, в то время как количество женщин – лишь на 57% [3].

В настоящее время в значительной степени меняется характер женской миграции. Если ранее женщины в основном выступали иждивенцами, сопровождающими членов своей семьи за границей, то сейчас женщины все чаще переезжают за рубеж самостоятельно, преследуя личные амбиции и выступая основными добытчицами в семьях. Это демонстрирует статистика эмиграции из развивающихся стран, где уровень эмиграции образованных и квалифицированных женщин значительно выше, чем мужчин с аналогичной квалификацией. В таких странах, как Афганистан, Гана, Гватемала, Замбия, Малави, Папуа-Новая Гвинея, Уганда и Замбия, женщины на 40% чаще эмигрируют в развитые страны [4].

С. Касл и М. Миллер в начале 1990-х гг. выявили тенденцию к глобальной «феминизации» миграционных процессов на международном уровне, что, в частности, было проиллюстрировано на примере трансграничного потока рабочей силы в регионе АТР. Тренд на «феминизацию» миграции был объяснен распространением гендерной сегментации на международном рынке труда, увеличением вовлеченности женщин в ряды рабочей силы и ростом спроса на женщин в традиционно «женских» профессиях [5, с. 16]. На более базовом уровне увеличение потоков женской миграции объяснялось развитием туризма и набирающим силу процессом глобализации, неравномерным экономическим развитием и влиянием капитализма [6, с. 138].

Для женской международной миграции характерен ряд проблемных аспектов и неблагоприятных факторов, которые непосредственно затрагивают женщин, переезжающих за рубеж, и угрожают их жизненному благополучию.

Уязвимость и незащищенное положение в стране пребывания. Многие национальные законы, регулирующие прием и пребывание международных мигрантов, содержат положения, которые угрожают правам женщин-мигрантов [7, с. 29]. Более чем в 20 странах существует ограничение на самостоятельное получение женщиной заграничного паспорта. В Свазиленде, Мьянме и Саудовской Аравии женщина не обладает правом свободного выезда за границу. В ряде арабских стран (Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия) незамужних женщин-мигрантов высылают на родину в случае беременности. Кроме того, уязвимость правового положения женщин-мигрантов распространяется и на сферу труда – многие принимающие страны не обеспечивают мигрантам стандартные условия охраны женского труда [4].

Неравенство в сфере труда. Женщины-мигранты зачастую сталкиваются с гендерной дискриминацией при приеме на работу, неравенством в льготах и уров-

не заработной платы, ограниченными возможностями карьерного роста. Наиболее неравноправно положение нелегально пребывающих в стране мигранток, а также неофициально трудоустроенных женщин и домработниц [7, с. 28]. В сфере трудоустройства мигрантов характерна сегментация рынка труда: происходит концентрация женщин-мигранток в традиционно «женских» профессиях (медсестры, секретари, швеи, няни и т. д.), что определяет более низкий уровень заработной платы работниц по сравнению со средней заработной платой мужчин-мигрантов [7, с. 28]. Для малообразованных мигранток из развивающихся стран возможности занятости ограничиваются уходом за детьми, работой домработницами/прислугой и неофициальным трудоустройством. Зачастую низкая оплата труда не оставляет возможности для улучшения благосостояния женщины, а тяжелые условия и отсутствие механизмов материального вознаграждения вовлекают работниц в состояние бедности. При этом интересно отметить, что даже малообеспеченные женщины-мигранты посылают домой большую часть заработанных средств, чем мужчины на схожих позициях [7, с. 28]. Мигрантки чаще сталкиваются с безработицей или занятостью в сфере низкоквалифицированного труда, чем мужчины-мигранты и уроженки страны пребывания [2, с. 98].

Торговля людьми. Женская миграция зачастую неразрывно связана с торговлей людьми. При этом торговля женщинами и девочками может выступать и как последствие переезда в другую страну, и как непосредственная причина миграции. По данным ООН, около 70% жертв торговли людьми составляют женщины и девочки. Они чаще всего привлекаются к сексуальной эксплуатации и принудительному труду [7, с. 29].

Здравоохранение. В случае вынужденной миграции зачастую складываются неблагоприятные условия для поддержания здоровья женщины, что осложняется различными ограничениями административного характера для получения женщиной-мигранткой медицинской помощи, недостаточной осведомленностью мигранток о доступных услугах, языковым барьером, низким уровнем жизни, не позволяющим женщине рассматривать заботу о собственном здоровье в качестве приоритета. Это приводит к повышенным рискам неблагоприятного исхода беременности и родов у женщин-мигрантов. Согласно статистике, женщины-мигрантки чаще сталкиваются с жестоким обращением и насилием, чем мужчины-мигранты [2, с. 72–73]. Сексуальное насилие и проституция, часто сопровождающие переселение женщин за рубеж, приводят к заражению мигранток ВИЧ/СПИДом и заболеваниями, передающимися половым путем. Исследование, проведенное в арабских странах, показало, что женщины-мигранты представляют собой уязвимую категорию по отношению к ВИЧ [4]. Согласно опросам, большинство молодых незамужних женщин-иммигранток никогда не были в больницах в странах пребывания, а если и обращались, то только во время родов или операций. В основном женщины предпочитают прибегать

к профилактике заболеваний, традиционной медицине или покупке лекарств в аптеках у соотечественниц [8, с. 131].

В то время, как мужчины-мигранты зачастую также становятся жертвами дискриминации в странах пребывания, женщины испытывают на себе «двойной гнет» дискриминации – ксенофобии по отношению к мигрантам и гендерной сегрегации [3]. Особенно незащищенным и уязвимым является положение мигранток, сопровождающих семьи за границей, переезжающих за рубеж принудительно или в статусе беженцев. С ростом количества женщин, мигрирующих самостоятельно с целью поиска более широких возможностей для профессиональной самореализации и более комфортных условий для жизни, можно рассчитывать на снижение описанных выше рисков и постепенное улучшение положения мигранток в странах пребывания.

Женская эмиграция из Китая в цифрах

Китай является крупным источником международных мигрантов. КНР занимает четвертое место в международном рейтинге по исходящему потоку мигрантов (после Индии, Мексики и Российской Федерации), в 2020 г. число мигрантов из КНР превысило 10 млн человек [2, с. 25]. Большое количество китайских мигрантов за рубежом является лишь незначительной долей полуторамиллиардного населения КНР.

По данным на 2013 г., основными направлениями эмиграции из Китая были Гонконг (более 2 млн чел.), США (более 2 млн чел.), Республика Корея (более 600 тыс. чел.), Япония (более 600 тыс. чел.) и Канада (более 600 тыс. чел.) [9]. В 2020 г. в США проживало около 2 млн китайцев-мигрантов [2, с. 75]. Коридор КНР–США является одним из крупнейших коридоров в международных миграционных потоках. У КНР одна из самых крупных международных диаспор в мире. Большое количество китайских мигрантов проживает также в Канаде, Италии, Австралии, Республике Корея, Японии и Сингапуре.

Кроме того, в 2020 г. Китай занял второе после Индии место по объему полученных из-за рубежа денежных переводов (всего мигрантами было отправлено семьям 59,51 млрд долл. США) [2, с. 40]. Китай не только является одним из крупнейших получателей денежных переводов из-за рубежа, но и третьим по величине отправителем денежных переводов в Азии (около 18 млрд долл. США), что вызвано растущим объемом исходящего миграционного потока из Китая [2, с. 83].

В XXI в. доля женщин в исходящих из материкового Китая миграционных потоках снижается. Если в 2000 г. женщины составляли половину эмигрантов (50.0%), то к 2019 г. их доля снизилась до 38,6% [10].

При текущем тренде на снижение доли женщин в общем числе китайских эмигрантов статистика по ключевым странам пребывания китайских мигрантов свидетельствует о том, что женщины по-прежнему составляют больше половины приезжих из КНР.

**Гендерное соотношение иммигрантов из КНР в странах-членах ОЭСР
(2012–2021 гг.)**

Страна	2012 г.			2017 г.			2021 г.		
	Общая численность китайских иммигрантов	Численность женщин-иммигрантов	Доля женщин в общей численности мигрантов (%)	Общая численность китайских иммигрантов	Численность женщин-иммигрантов	Доля женщин в общей численности мигрантов (%)	Общая численность китайских иммигрантов	Численность женщин-иммигрантов	Доля женщин в общей численности мигрантов (%)
Австрия	9 669	5 392	56	12 685	7 313	58	13 000	8 000	62
Бельгия	10 400	5 585	54	12 058	6 549	54	13 000	7 000	54
Чехия	5 579	2 571	46	6 126	2 971	48	8 000	4 000	50
Дания	7 494	4 265	57	10 140	5 765	57	11 000	6 000	55
Финляндия	6 159	3 283	53	8 480	4 588	54	10 000	6 000	60
Франция	93 820	52 920	56	102 100	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
Германия	86 435	44 400	51	129 150	68 095	53	146 000	78 000	53
Греция	1 174	134	11	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
Венгрия	10 114	4 568	45	19 111	9 416	49	19 000	9 000	47
Италия	197 064	97 136	49	281 972	139 745	50	330 000	164 000	50
Япония	674 879	394 714	58	695 522	391 970	56	778 000	422 000	54
Корея	610 713	305 667	50	824 464	420 359	51	817 000	414 000	51
Мексика	15 246	6 174	40	21 450	8 815	41	нет данных	нет данных	нет данных
Нидерланды	23 900	12 324	52	31 437	17 006	54	39 000	20 000	51
Норвегия	4 354	2 525	58	5 551	3 254	59	6 000	4 000	67
Португалия	16 795	8 142	48	22 555	11 217	50	26 000	13 000	50
Словакия	684	348	51	973	481	49	1 000	1 000	100
Словения	888	398	45	1 083	491	45	1 000	1 000	100
Испания	170 839	81 008	47	177 519	88 703	50	198 000	101 000	51
Швеция	15 494	8 233	53	17 331	9 317	54	22 000	12 000	55
Швейцария	9 413	5 572	59	14 530	8 585	59	17 000	10 000	59
Турция	2 875	979	34	15 628	5 654	36	нет данных	нет данных	нет данных
Великобритания	86 621	44 962	52	132 000	71 000	54	нет данных	нет данных	нет данных
США	797 147	410 210	51	1 118 908	592 194	53	нет данных	нет данных	нет данных

Источник: Международная база данных по миграции ОЭСР [11].

Данные Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (табл. 1) по численности китайских иммигрантов в странах-членах организации демонстрируют, что в большинстве стран доля женщин-иммигрантов превышает половину общего числа иммигрантов, проживающих в стране (Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Франция, Германия и др.). В этих странах доля женщин-иммигрантов из Китая с годами, как правило, сохраняется на прежнем уровне или растет. Ряд стран (Греция, Мексика, Турция) достаточно сильно отстают по процентному соотношению китайских женщин в общей численности иммигрантов. Примечательно, что, согласно статистике по гендерной принадлежности иммигрантов в России, доля женщин-трудových мигранток в иммиграционном потоке из Китая (крупнейшего донора трудовых мигрантов из дальнего зарубежья) в РФ составляет лишь 18%, что ставит Россию по данному показателю в один ряд с Грецией, Мексикой и Турцией [12, с. 83]. Вероятно, доля женщин в общей численности иммигрантов находится в прямой зависимости от степени экономического развития региона и уровня жизни в стране.

ОЭСР также отслеживает статистику по притоку женщин-иммигрантов в страны назначения (табл. 2). Как показывает таблица, в ряде стран Центральной (Чехия, Словения) и Северной (Дания, Финляндия, Норвегия, Швеция) Европы, а также во Франции, Нидерландах и Швейцарии доля женщин в потоке иммигрантов с годами сокращается. В то же время все больше женщин-иммигрантов прибывает в страны Южной

Европы (Испания, Италия Португалия), в отдельные страны Центральной Европы (Австрия, Венгрия, Словакия), в США, Исландию и Новую Зеландию.

Таблица / Table 2

**Доля женщин во входящем миграционном потоке из КНР
в страны-члены ОЭСР (2010–2020 гг.)**

Страна	2010			2015			2020		
	Приток иммигрантов из Китая	Приток женщин-мигрантов из Китая	Доля женщин в потоке мигрантов (%)	Приток иммигрантов из Китая	Приток женщин-мигрантов из Китая	Доля женщин в потоке мигрантов (%)	Приток иммигрантов в из Китая	Приток женщин-мигрантов из Китая	Доля женщин в потоке мигрантов (%)
Австралия	24525	13541	55	27924	15839	57	18798	10481	56
Австрия	1297	663	51	2053	1263	62	1060	598	56
Бельгия	1360	730	54	1236	694	56	935	508	54
Канада	30378	16232	53	19531	10761	55	16525	нет данных	нет данных
Чехия	459	260	57	469	277	59	546	280	51
Дания	791	481	61	1288	706	55	1038	550	53
Финляндия	566	331	58	732	419	57	876	417	48
Франция	5720	3232	57	4991	2804	56	3525	1845	52
Германия	16248	8052	50	25511	13412	53	11368	5728	50
Венгрия	1141	461	40	3524	1775	50	1189	531	45
Исландия	76	30	39	60	39	65	59	35	59
Италия	22866	11025	48	14866	7473	50	4926	2682	54
Респ. Корея	155252	75977	49	177001	89432	51	96256	48089	50
Люксембург	149	87	58	448	241	54	308	181	59
Нидерланды	4466	2388	53	5406	3077	57	4398	2259	51
Новая Зеландия	7647	4042	53	15031	8303	55	3833	2144	56
Норвегия	955	545	57	903	509	56	423	225	53
Польша	2267	нет данных	нет данных	3759	1719	46	2274	1023	45
Португалия	1653	859	52	2576	1328	52	1378	750	54
Словакия	29	10	34	28	11	39	10	6	60
Словения	170	83	49	80	30	38	128	50	39
Испания	10473	5345	51	10134	5634	56	5064	2818	56
Швеция	3186	1690	53	2326	1227	53	1694	869	51
Швейцария	1945	1178	61	3265	1942	59	3119	1686	54
США	71434	40884	57	74390	42321	57	41749	24053	58

Источник: Международная база данных по миграции ОЭСР [11].

В странах, которые традиционно выступают основными направлениями исходящих с территории материкового Китая миграционных потоков женщины, как правило, составляют больше половины всех иммигрантов. Так, в США женщины составляют около 55% иммигрантов из материкового Китая, гендерный перекося в сторону женщин наблюдается среди иммигрантов всех возрастов и достигает максимума в младшей возрастной группе (девочки составляют 69% детей до 16 лет, рожденных в КНР и проживающих в США) [13, с. 3]. В 2008 г. женщины составляли 54% от общей численности китайских иммигрантов на территории США (около 1,6 млн чел.) [14]. Ряд исследователей объясняет подобный гендерный дисбаланс особенностями иммиграционной политики США: мужчины более широко были представлены в группах иммигрантов, прибывших до 1965 г., тогда как иммиграционная политика после 1965 г. с упором на воссоединение семей отдает предпочтение женщинам [13, с. 3].

В Республике Корея, по статистике на 2022 г., из 204 150 китайских иммигрантов 56,12% составляли женщины (114 570 чел.) [15]. В Японии, согласно статистике за 2019 г., на 30 женщин-иммигрантов из КНР приходится 25 мужчин [16, с. 4]. Схожая ситуация наблюдается в Канаде: из 755 698 китайских по происхождению иммигрантов (учитывая выходцев из КНР – 50%, Гонконга – 37,5% и Тайваня –

12,4%), прибывших в страну в период 1980–2001 гг., мужчины составляли 47,9%, а женщины – 52,1% мужчин [17, с. 9]. Женщины составляют больше половины мигрантов из Китая в Австралию. Так, из 1193 лиц китайского происхождения, прибывших в Австралию в 1982–1983 гг., 53% составляли женщины. В 1994–1995 гг. женщины составили 59,4% от общего количества переселенцев с материкового Китая в Австралию (3708 чел.) [18, с. 96]. В 2001 г. доля женщин-мигранток в китайской диаспоре Австралии по-прежнему превышала половину – 53% [19, с. 366].

Занятость женщин-мигрантов из КНР

Присутствие женщин-мигрантов китайского происхождения охватывает весь мир. Покинувшие страну добровольно или не по своей воле, ради профессиональной самореализации, образования, сопровождения семей, воссоединения с близкими, китайские женщины представлены в разных географических регионах, сферах труда, категориях мигрантов (как участники трудовой, коммерческой, учебной, семейной и религиозной миграции), а также как потомки ранее переселившихся выходцев из материкового Китая (хуацяо).

Возможности трудоустройства китайских иммигранток зависят от конъюнктуры рынка труда и институциональных процессов, а также от гендерной и расовой сегрегации в стране пребывания.

Исследование, проведенное в конце XX в., выявило, что сообщества китайских женщин за рубежом отличались усиленным стремлением к материальному обогащению и исключительной трудовой этикой, что было вызвано повышенной мобильностью, более широкими экономическими возможностями и благоприятными условиями для трудоустройства женщин в стране пребывания по сравнению с их родиной. При этом китайки-иммигранты в меньшей степени, чем уроженки западных стран, были озабочены проблемой совмещения работы с воспитанием детей и более положительно относились к перспективе использования государственных учреждений и центров для заботы о детях. Подобное отношение объясняется тем, что китайки, как выходцы из социалистического Китая, сами с рождения воспитывались работающими матерями и много времени проводили в яслях и детских садах [18, с. 99].

Исследование занятости китайских иммигрантов в Австралии обнаружило, что женщины вносили большой вклад в развитие семейного бизнеса, выступая работницами, управленцами и совладельцами фирм. Совладельцами 52% семейных фирм в городе Брисбен и 41% в городе Сидней выступали члены семьи, при этом совладельцами фирм выступало абсолютное большинство (39 из 40) женщин, работающих в семейной фирме полный рабочий день. В сферах бизнеса, где совладение было ограничено законодательно, женщины являлись администраторами и управленцами. Также было выявлено 16 предприятий, основанных женщинами самостоятельно или в партнерстве, 11 из 16 фирм оставались под единовластным контролем женщины-

учредителя [18, с. 99]. В Австралии женщины китайского происхождения часто добиваются больших успехов в построении карьеры, в частности в сферах науки и искусства, здравоохранения, СМИ, бизнеса и даже государственного управления. Однако наряду с квалифицированными кадрами, эмигрирующими из Китая, в Австралию переселяется также большое количество малообразованных женщин без профессионального образования и с ограниченным знанием английского языка. Возможности карьерного роста для таких мигранток крайне ограничены, зачастую такие иммигрантки становятся нянями, домработницами и работницами секс-индустрии [18, с. 100–103].

В США китайские рабочие-иммигранты обоих полов широко представлены в управленческом бизнесе, финансовой сфере, областях цифровых технологий, науке и технике, образовании и здравоохранении, СМИ, индустрии развлечений. В меньшей степени иммигранты из Китая заняты в строительстве и ремонте, добыче полезных ископаемых, транспорте и логистике, на производстве, а также в сельском хозяйстве. При этом женщины-иммигранты в меньшей степени, чем мужчины, представлены в социальной службе, юридических и медицинских учреждениях, на позициях администраторов и управленцев [13, с. 5].

Изучая особенности занятости китайских женщин в Канаде, ряд авторов выделяют проблему утраты/снижения квалификации женщин-мигрантов, переселяющихся в страну из материкового Китая. Особенности государственной политики, местной системы профессиональной аккредитации, требований при приеме на работу и конъюнктуры на рынке труда маргинализируют китайских женщин-иммигрантов, ограничивая их возможности трудоустройства неполным рабочим днем, нестабильной занятостью, превращая квалифицированные кадры в чернорабочих или безработных [20, с. 135]. С 1967 г. правительство Канады придерживается курса на преимущественное привлечение высококвалифицированных образованных иммигрантов в страну. Однако приезжающие в Канаду уроженки Китая часто подвергаются дискриминации и не могут найти себе достойное место в обществе, несмотря на свое образование, навыки и умения. Так, в конце XX в. произошло сокращение среднего заработка китайских женщин-иммигрантов с 21 тыс. долл. США в 1980 г. до 16 тыс. долл. США в 1996 г. (в то же время заработок уроженок Канады вырос с 19 тыс. долл. США до 21 тыс. долл. США). В 1986–1996 гг. уровень занятости среди женщин-иммигрантов снизился с 58 до 51% (примечательно, что занятость мужчин-иммигрантов в это время была на уровне 70–80%). Одновременно уровень занятости уроженок Канады вырос с 8 до 73% [20, с. 140].

Студенческая миграция и «утечка мозгов»

Анализируя особенности женской миграции, нельзя не упомянуть о феномене «утечки мозгов», подразумевающим массовую эмиграцию специалистов, ученых и квалифицированных работников из страны. Женщины-исследователи при построении

академической карьеры по-прежнему сталкиваются со «стеклянным потолком» и другими барьерами и все чаще прибегают к международной миграции в качестве социального лифта и инструмента для расширения своих возможностей профессиональной реализации.

Сегодня Китай последовательно придерживается курса на «привлечение извне» высококлассных специалистов, создавая привлекательные условия для их переезда, и уже обогнал Германию, заняв третье место в рейтинге стран по популярности среди исследователей-мигрантов обоих полов [21, с. 5]. Впрочем, происходит и обратный процесс «утечки мозгов» из материкового Китая. Интересно отметить, что была выявлена связь между полом исследователя и дистанцией переселения (женщины-исследователи, эмигрирующие из Китая, как правило, выбирали более далекие страны, чем их коллеги-мужчины) [21, с. 4].

Научный интерес представляет также анализ гендерного фактора в студенческих миграциях из КНР. Согласно статистике за 2014 г., представительницы женского пола составляли 51% китайских студентов, проходящих обучение в США, 55% студентов в Канаде и 63% студентов в Великобритании [22]. Приведенные данные о гендерной диспропорции весьма примечательны, учитывая текущий гендерный дисбаланс в китайском обществе и традиционное предпочтение сыновей 重男轻女 (преобладание девушек-студентов за границей свидетельствует о том, что китайские семьи не склонны отдавать предпочтение в пользу образования сыновей, предоставляя равные возможности образования за рубежом детям обоих полов). В ходе социального опроса китайских студенток, проведенного в 2016 г. исследователем Ф. Мартин [23], было выявлено, что образовательная миграция за рубеж часто представляется для молодых женщин в Китае возможностью «вырваться» из круга традиционных гендерных установок, в том числе критики «женщин-объедков», представлений о браке и деторождении как ключевых жизненных ориентирах для женщины. Молодые женщины, не стремящиеся к самореализации в качестве жены и матери, посвящающие себя получению высшего образования и продвижению по карьерной лестнице, подвергаются жесткой общественной критике и осуждению семьи, что подталкивает их к студенческой миграции за рубеж, сулящий им больше свободы для самоопределения.

Брачная миграция

В Китае, как и в других странах Восточной Азии, распространена брачная эмиграция, осуществляемая в основном женщинами. Эмиграция с целью заключения брака является своего рода социальным лифтом для женщин из более бедных регионов, повышающим их мобильность и позволяющим переселиться в более богатые страны и регионы.

В Китае существует феномен брачной иммиграции, получающий популярность при текущей демографической ситуации в стране, связанной с сильным гендерным

дисбалансом и большим количеством «невостребованных» мужчин-холостяков («голых веток»). Крупнейшим «рынком невест» выступают Филиппины: в период 1991–2000 гг. более 22 000 женщин и детей было перевезено в Китай для заключения брака с местными мужчинами [24, с. 94].

При существующем гендерном дисбалансе в китайском обществе тем более примечательна обратная тенденция – брачная эмиграция китайских женщин. Китайские женщины чаще всего эмигрируют с целью заключения брака в Японию, Республику Корею и на Тайвань. По состоянию на 2001 г. 5% всех браков в Японии было заключено между гражданами Японии и гражданами из зарубежных стран. При этом в 44% случаев японцы, женившиеся на иностранках, брали себе в жены жительниц материкового Китая [24, с. 92]. Согласно статистике, по количеству браков с иностранными гражданами в Японии в 2006–2010 гг. было почти 60 тыс. подобных брачных союзов [25].

На Тайване до 2003 г. около 60% браков заключалось с жительницами материкового Китая. Несмотря на изменения в иммиграционной политике и недолговременное сокращение количества браков, заключенных «через Тайваньский пролив», к 2010 г. доля браков с уроженками материка достигла 70% [25]. В Республике Корея в 90-х годах в браках, заключенных с иностранцами, большую долю занимали браки с женщинами китайского происхождения (60%). Однако в этом регионе китайские невесты постепенно уступили свое место уроженкам других стран (Вьетнама, Камбоджи, Филиппин, Монголии и Узбекистана) [25].

Необходимо учитывать, что миграция с целью заключения брака часто является добровольным решением женщины, стремящейся к созданию семьи, самореализации за рубежом и улучшению своих условий жизни, однако зачастую перемещение женщин за границу в качестве невест является насильственным действием. Брачная миграция неразрывно связана с торговлей женщинами и контрабандой людей.

Торговля женщинами и девочками

Большое количество женщин и девочек в Китае становятся жертвами торговли людьми, которая осуществляется как внутри страны (между провинциями), так и за границами Китая. В пределах Китая масштабы торговли женщинами оцениваются в несколько тысяч человек ежегодно (от 10 до 20 тыс. чел.). За 2010–2014 гг. китайские суды рассмотрели 7719 дел о торговле детьми и женщинами, в общей сложности 12 963 человека были обвинены в торговле людьми [26, с. 1–2]. Основное направление межпровинциальной торговли женщинами – густонаселенные сельские районы в центральных провинциях (Хэнань, Хубэй и Аньхой), где особенно существенно проявляется гендерный дисбаланс населения. Жертвами торговли чаще всего становятся жительницы сельских провинций на юго-западе Китая (Юньнань, Гуйчжоу и Сычуань) [26, с. 2].

Подобные масштабы торговли женщинами в Китае обусловлены в первую очередь демографической политикой страны. Проводившаяся с 1979 г. в Китае политика «Одна семья – один ребёнок» непосредственно привела тому, что многие семьи в надежде на последующее рождение сына отдавали новорожденных дочерей на продажу. Кроме того, косвенно вызванный политикой контроля рождаемости текущий гендерный дисбаланс в китайском обществе рождает спрос на женщин у неженатых мужчин (поэтому торговля женщинами часто принимает форму их насильственной выдачи замуж в другие провинции).

Согласно статистическим данным, приведенным в исследовании с выборкой в 463 кейса торговли, в 48% случаев женщины были жертвами международной контрабанды. Жертвы международной контрабанды, как правило, моложе жертв межпровинциальной торговли (53% женщин были моложе 20 лет, а 70% – моложе 30 лет). Средняя цена на продажу женщин за рубеж была в 5–10 раз выше, чем при продаже женщин внутри страны (около 45 000 юаней). В случае международной контрабанды в 100% случаев женщины были проданы с целью выдачи замуж за рубеж [26, с. 5]. При этом некоторые из жертв также принуждались к длительной сексуальной эксплуатации [27, с. 49]. Зачастую жертвами контрабанды являются представительницы национальных меньшинств, более чем в половине случаев жертвы попадают в ловушку торговцев, добровольно вступая в схему контрабанды из-за надежд на высокооплачиваемую работу, удачное замужество и улучшение условий жизни.

Продажа китайских женщин за рубеж часто осуществляется в страны ЮВА (Малайзия, Таиланд, Мьянма), США, западные страны. Важнейшим хабом в каналах торговли людьми выступает южная провинция Фуцзянь. На протяжении целого века из провинции осуществлялась нелегальная эмиграция и отправка людей на Запад [27, с. 43]. В 1990-х годах сложились три основных канала контрабанды людей из материкового Китая в США: через территорию Мексики или Канады, прямыми авиарейсами в американские города с использованием фальшивых документов, на рыболовных траулерах и грузовых судах [27, с. 46].

При контрабанде женщин некитайского происхождения на территорию Китая основными странами происхождения жертв выступают Вьетнам (53,91%), КНДР (26,00%) и Мьянма (20,09%). Жертвы из Вьетнама и Мьянмы, как правило, из приграничных районов транспортируются в центральные провинции (Хэнань и Аньхой), а жертвы из КНДР обычно переправляются в географически близкий северо-восточный регион Китая [26, с. 9].

Масштабы проблемы подтверждает судебная статистика: так, с 1995 по 2000 г. Департамент общественной безопасности округа Цзянчэн получил 45 сообщений о торговле женщинами и детьми, однако гораздо больше случаев остается незарегистрированными. В период с 1996 по 2000 г. Департаментом общественной безопасности

округа Мэнхай было рассмотрено 51 дело о торговле, жертвами которой стали 85 человек [27, с. 48].

Заключение

Проанализировав исходящие из материкового Китая миграционные потоки с точки зрения гендера, можем сделать ряд выводов о причинах, характере и степени участия женщин китайского происхождения в этом процессе.

Женщины китайского происхождения, переселяющиеся за рубеж, преследуют различные цели: сопровождение супруга/семьи, замужество, получение образования, трудоустройство и др. При этом прослеживается общая тенденция к постепенному сокращению количества женщин, мигрирующих за рубеж в роли иждивенцев, и, соответственно, увеличению количества женщин, переезжающих в другие страны автономно, без сопровождения. Вне зависимости от конкретной причины переезда, если решение о миграции принимается женщиной самостоятельно, миграция рассматривается ею в качестве социального лифта, открывающего возможности для повышения личной мобильности и улучшения условий жизни. Часто к миграции женщин побуждает сохраняющееся в современном Китае гендерное неравенство, устаревшие представления о гендере и браке, роли женщин в обществе и семье.

В международных миграционных потоках традиционно наблюдается преобладание представителей мужского пола, в КНР доля женщин в общей численности мигрантов значительно снизилась в XXI в., однако в этом отношении наблюдается сильная дифференциация в зависимости от стран назначения. Так, в странах с более высоким уровнем жизни женщины-мигранты из КНР превышают половину общего числа иммигрантов, в то время как в менее «привлекательных» для переселения странах с не такой благоприятной экономической конъюнктурой доля женщин в общей численности мигрантов значительно ниже.

На трудоустройство и занятость китайских иммигранток в странах назначения оказывают сильное влияние особенности рынка труда и институциональных процессов в стране. Стремление к профессиональному росту, развитая трудовая этика и приоритезация карьеры, свойственные китайским иммигранткам, зачастую не приводят их к успешному карьерному росту из-за административных препятствий и гендерной дискриминации на рабочем месте.

Интерес представляет анализ женской эмиграции из Китая в совокупности с гендерным дисбалансом в стране. С одной стороны, гендерный перекос в сторону мужчин напрямую приводит к распространению торговли женщинами, «импорту невест» из-за рубежа. С другой стороны, популяризация среди китайских женщин брачной и образовательной эмиграции, нелегальный вывоз и контрабанда женщин за рубеж обуславливают дальнейшее усугубление гендерного дисбаланса в стране. В целях сокращения темпов оттока женщин из страны представляется необходимым принятие пра-

вительством КНР дополнительных усилий по искоренению гендерного дисбаланса, улучшению положения женщины в Китае, повышению мобильности женского населения. Насущной и нерешенной остается проблема недобровольной эмиграции и торговли женщинами, эти процессы требуют усиления административного надзора.

Список источников

1. The Female Face of Migration. Background paper // Caritas Internationalis. 2010. URL: <http://www.caritas.org/includes/pdf/backgroundmigration.pdf>
2. World Migration Report 2022 / ed. by M. McAuliffe, A. Triandafyllidou. Geneva: International Organization for Migration (IOM), 2021. 524 p.
3. Gender and migration // Migration Data Portal. 2023. URL: [https://www.migrationdataportal.org/themes/gender-and-migration#:~:text=The%20slightly%-20larger%-20presence%20of,cent%20\(ILO%2C%202021\)](https://www.migrationdataportal.org/themes/gender-and-migration#:~:text=The%20slightly%-20larger%-20presence%20of,cent%20(ILO%2C%202021))
4. Кругман Д. Женщины-мигранты: одинаковые цифры, несоизмеримые трудности // Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие (пресс-релиз). Программа развития ООН (ПРООН). 2009. URL: https://www.un.org/ru/development/hdr/2009/hdr_2009_pr5.pdf
5. Castles S., Haas H., Miller M.J. The Age of migration international population movements in the modern world. London: Macmillan, 1993. 306 p.
6. Gransow B. Gender and migration in China: Feminisation trends // Crossing Borders and Shifting Boundaries. Vol. I: Gender on the Move / ed. by M. Morokvasic, U. Erel, K. Shinozaki. [S. l.], 2003. P. 137–154.
7. Women and International Migration // UN. Division for the advancement of women. Department of Economic and Social Affairs. The summary of the World Survey on the role of women in development. 2004. URL: <https://www.un.org/ru/>
8. 陈雪. 多元交织理论框架下的女性移民健康研究 // 云南社会科学. 2017. 1. 127–133. Чэнь Сюэ. Исследование здоровья женщин-иммигрантов в рамках теории множественного пересечения // Журнал Юньнаньского университета: социальные науки. 2017. № 1. С. 127–133.
9. Migration Profiles. China // Unicef. URL: <https://esa.un.org/migmgmprofiles/indicators/files/China.pdf>
10. International Migration 2019: Wall Chart // UN-iLibrary. 2019. URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210045452>
11. International Migration Database // OECD.stat. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MIG#>
12. Флоринская Ю.Ф. Женская трудовая миграция в Россию: численность, страны-доноры, ниши на рынке труда // Проблемы прогнозирования. 2022. № 1. С. 78–90.
13. Hu X. Chinese Immigrants in the United States – New Issues and Challenges // People of Color in the United States. 2016. Vol. 4: Contemporary Issues in Immigration. P. 1–12.

14. Chinese immigrants in the United States // Migration Policy Institute. 2010. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/chinese-immigrants-united-states-2008#top>
15. Number of foreign citizens living in South Korea in 2022, by country of origin and gender // Statista. 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1297886/south-korea-foreign-citizens-by-origin-and-gender/>
16. Wang X. Chinese Migrants' sense of belonging in Japan: between digital and physical spaces // Migration Research Series. No. 61. Geneva: International Organization for Migration (IOM), 2020. URL: <https://publications.iom.int/books/mrs-no-61-chinese-migrants-sense-belonging-japan-between-digital-and-physical-spaces>
17. Guo S., De Voretz D.J. The changing face of Chinese immigrants in Canada // Journal of International Migration and Integration = Revue de l'integration et de la migration internationale. 2007. Vol. 7. Art. no. 3018.
18. Ryan J. Chinese women as transnational migrants: gender and class in global migration narratives // International Migration. 2002. Vol. 40, no. 2. P. 93–116.
19. Da W.W. Gender Relations in Recent Chinese Migration to Australia // Asian and Pacific Migration Journal. 2003. Vol. 12, no. 3. P. 361–384.
20. Man G. Gender, work and migration: Deskilling Chinese immigrant women in Canada // Women's Studies International Forum. 2004. Vol. 27. P. 135–148.
21. Zhao X., Akbaritabar A., Kashyap R., Zagheni E. A Gender perspective on the global migration of scholars // PNAS. 2023. Vol. 120. Art. no. 10.
22. Tu Mengwei. For Chinese women, foreign study doesn't bring gender equality // Sixth Tone. 2018. URL: <https://www.sixthtone.com/news/1001634>.
23. Fran M. Overseas study as 'escape route' for young Chinese women // Asia Research Institute. 2016. URL: <https://theasiadialogue.com/2016/06/22/single-and-mobile-overseas-study-as-escape-route-for-young-chinese-women/>.
24. Davin D. Marriage migration in China and East Asia // Journal of Contemporary China. 2007. Vol. 16, no. 50. P. 83–95.
25. Chung C., Kim K., Piper N. Marriage migration in Southeast and East Asia revisited through a migration-development nexus lens // Critical Asian Studies. 2016. Vol. 48, no. 4. P. 463–472.
26. Mapping trafficking of women in China: evidence from court sentences / Y. Xia, Y. Zhou, L. Du, T. Cai // Journal of Contemporary China. 2019. Vol. 29, no. 122. P. 238–252.
27. Chu C. Y.-Y. Human trafficking and smuggling in China // Journal of Contemporary China. 2011. Vol. 20, no. 68. P. 39–52.

References

1. The Female Face of Migration. Background paper. *Caritas Internationalis*, 2010. URL: <http://www.caritas.org/includes/pdf/backgroundmigration.pdf>

2. McAuliffe M., Triandafyllidou A. (eds.). *World Migration Report 2022*. Geneva: International Organization for Migration (IOM), 2021. 524 p.
3. Gender and migration. *Migration Data Portal*, 2023. URL: [https://www.migrationdataportal.org/themes/gender-and-migration#:~:text=The%20slightly%-20larger%-20presence%20of,cent%20\(ILO%2C%202021\)](https://www.migrationdataportal.org/themes/gender-and-migration#:~:text=The%20slightly%-20larger%-20presence%20of,cent%20(ILO%2C%202021))
4. Klugman D. Migrant women: same numbers, disproportionate difficulties. *Human Development Report 2009. Overcoming barriers: human mobility and development (press release)*. United Nations Development Program (UNDP). 2009. URL: https://www.un.org/ru/development/hdr/2009/hdr_2009_pr5.pdf (In Russ.).
5. Castles S., Haas H., Miller M.J. *The Age of migration international population movements in the modern world*. London: Macmillan, 1993. 306 p.
6. Gransow B. Gender and migration in China: Feminisation trends. In: Morokvasic M., Erel U., Shinozaki K. (eds.). *Crossing Borders and Shifting Boundaries*, vol. I: Gender on the Move. [S. l.], 2003, pp. 137–154.
7. Women and International Migration. *UN. Division for the advancement of women. Department of Economic and Social Affairs. The summary of the World Survey on the role of women in development*. 2004. URL: <https://www.un.org/ru/>
8. Chen Xue. A study of the health of immigrant women within the framework of multiple intersection theory. *Journal of Yunnan University: Social Sciences*, 2017, no. 1, pp. 127–133. (In Chin.).
9. Migration Profiles. China. *Unicef*. URL: <https://esa.un.org/migmgprofiles/indicators/files/China.pdf>
10. International Migration 2019: Wall Chart. *UN-iLibrary*. 2019. URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210045452>
11. International Migration Database. *OECD.stat*. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MIG#>
12. Florinskaya Yu.F. Zhenskaya trudovaya migratsiya v Rossiyu: chislennost', strany-donory, nishi na rynke truda [Female labor migration to Russia: numbers, donor countries, niches in the labor market]. *Problemy prognozirovaniya*, 2022, no. 1, pp. 78–90.
13. Hu X. Chinese Immigrants in the United States – New Issues and Challenges. *People of Color in the United States*, 2016, vol. 4: Contemporary Issues in Immigration, pp. 1–12.
14. Chinese immigrants in the United States. *Migration Policy Institute*, 2010. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/chinese-immigrants-united-states-2008#top>
15. Number of foreign citizens living in South Korea in 2022, by country of origin and gender // Statista. 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1297886/south-korea-foreign-citizens-by-origin-and-gender/>

16. Wang X. Chinese Migrants' sense of belonging in Japan: between digital and physical spaces. *Migration Research Series. No. 61. Geneva: International Organization for Migration (IOM), 2020.* URL: <https://publications.iom.int/books/mrs-no-61-chinese-migrants-sense-belonging-japan-between-digital-and-physical-spaces>
17. Guo S., De Voretz D.J. The changing face of Chinese immigrants in Canada. *Journal of International Migration and Integration = Revue de l'integration et de la migration internationale*, 2007, vol. 7, art. no. 3018.
18. Ryan J. Chinese women as transnational migrants: gender and class in global migration narratives. *International Migration*, 2002, vol. 40, no. 2 pp. 93–116.
19. Da W.W. Gender Relations in Recent Chinese Migration to Australia. *Asian and Pacific Migration Journal*, 2003, vol. 12, no. 3, pp. 361–384.
20. Man G. Gender, work and migration: Deskillling Chinese immigrant women in Canada. *Women's Studies International Forum*, 2004, vol. 27, pp. 135–148.
21. Zhao X., Akbaritabar A., Kashyap R., Zagheni E. A Gender perspective on the global migration of scholars. *PNAS*, 2023, vol. 120, art. no. 10.
22. Tu Mengwei. For Chinese women, foreign study doesn't bring gender equality // Sixth Tone. 2018. URL: <https://www.sixthtone.com/news/1001634>
23. Fran M. Overseas study as 'escape route' for young Chinese women. *Asia Research Institute*. 2016. URL: <https://theasiadialogue.com/2016/06/22/single-and-mobile-overseas-study-as-escape-route-for-young-chinese-women/>
24. Davin D. Marriage migration in China and East Asia. *Journal of Contemporary China*, 2007, vol. 16, no. 50, pp. 83–95.
25. Chung C., Kim K., Piper N. Marriage migration in Southeast and East Asia revisited through a migration-development nexus lens. *Critical Asian Studies*, 2016, vol. 48, no. 4, pp. 463–472.
26. Xia Y., Zhou Y., Du L., Cai T. Mapping trafficking of women in China: evidence from court sen-tences. *Journal of Contemporary China*, 2019, vol. 29, no. 122, pp. 238–252.
27. Chu C. Y.-Y. Human trafficking and smuggling in China. *Journal of Contemporary China*, 2011, vol. 20, no. 68, pp. 39–52.

Информация об авторах

Е.Ю. Каткова – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения и африканистики, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия.

М.Г. Новоселова – магистрант специальности «Зарубежное регионоведение», Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия.

Information about the authors

E.Y. Katkova – Candidate of Historical Studies, Senior Lecturer, Department of Oriental and African Studies, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia.

M.G. Novoselova – Master’s Degree Student of Foreign regional studies, Department of Oriental and African Studies, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 06.12.2023; accepted for publication 30.01.2024